

К. Балистрери

ОБ АНИМАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рецензия на книгу: *Speaking for animals: Animal Autobiographical Writing* / ed. by Margo DeMello. New York: Routledge, 2013

Размещая на страницах альманаха «Детские чтения» обстоятельную рецензию нашей итальянской коллеги Катерины Балистрери, посвященную сборнику «*Speaking for animals: Animal Autobiographical Writing*» («Говорить за животных: Текст от имени зверей»), вышедшему в текущем году в Нью-Йорке, редколлегия ДЧ считает необходимым дать небольшой комментарий, хотя, скорее всего, у большинства читателей альманаха, так или иначе связанных с детской литературой, особых вопросов не возникнет.

Анималистическая литература, почти во всех своих жанрах и модификациях, уже давно и прочно связана с литературой детской, причем не только в восприятии широкой читающей публики, но и многих специалистов. Достаточно вспомнить известного фольклориста XIX в. Н. Я. Никифоровского, который по умолчанию отнес единым взмахом пера все сказки о животных к «сказкам для детей». Между тем, действительно, за редким исключением (где соседями внезапно оказываются античная «Батрахомиомакхия» и «Скотный двор» Дж. Оруэлла), анималистическая литература пишется и создается для детей, или, будучи изначально написанной для взрослого читателя, перемещается затем на страницы детских хрестоматий и книг для чтения, как это случилось с «Каштанкой» Чехова, «Белым пуделем» Куприна, новеллистикой Сетона-Томпсона и пр. Детская литература, открыв в последней трети XIX в. золотую жилу анималистических сюжетов, стремительно наводнила беллетристику для малышей и подростков огромным количеством говорящих, нравоучительных и забавных зверюшек, создав таким образом и традицию, и значительный массив текстов, которые, как справедливо отмечает Балистрери, целенаправленно еще практически никто не изучал.

При этом правомерное недоумение автора рецензии вызывает тот факт, что в представляемой вниманию читателей сборнике под редакцией Марго ДэМелло отсутствуют статьи освещающие связь детской литературы и анималистики. Возможно, эта связь кажется слишком очевидной? Редакция ДЧ с радостью предоставляет нашим читателям возможность задуматься об этих вопросах и расширить свое представление о предметном поле новейшего западного литературоведения.

В последние сорок лет критические теории, особенно пост-колониализм, пост-феминизм, и квир-исследования (*queer studies*), значительно *изменили* понятие Другого, показывая, что это понятие является социальным построением и что, одновременно, субъекты имеют право на самоопределение, иногда именно в качестве Других. Тем не менее, бывают субъекты, у которых право на само-

определение значительно ограничено или просто отсутствует. Это, в частности, дети и животные. Этические вопросы, связанные с их репрезентацией в литературе и в других сферах культуры, можно кратко изложить словами исследователя детской литературы Перри Ноделмана: «Когда мы говорим за другого, наделяя его голосом, мы его заставляем молчать» [Nodelman 1992, с. 30]. Сам Перри Ноделман, Мария Николаева и другие исследователи детской литературы проливали свет на опасность, заложенную в акте наделения голосом тех, у кого его нет.

Сборник «Говорить за животных», подготовленный американским антропологом Марго ДэМелло, рассматривает эту проблему на примере репрезентации говорящих животных в литературе, религии и интернет-сайтах. Основная ценность этой книги заключается в разных точках зрения и методологических подходах, которые она предлагает. Статьи, собранные в книге, задают вопрос о том, как животные говорят о себе в этих сферах культуры, какие есть пределы такой репрезентации животных и каковы ее последствия для них самих. Как замечает ДэМелло во введении к этому сборнику, богатом ссылками на критику, антропоморфизация животных, особенно распространенная в детской литературе, дает автору возможность переносить свои качества на животное, но, одновременно, является способом признать и выразить специфическую субъективность животных, а также вызвать в читателе желание стать более чувствительным к их условиям жизни. Кроме того, именно репрезентация говорящего животного заставляет человека пересматривать свое представление о том, что такое человечество.

ДэМелло подчеркивает, что вопрос того, как и зачем животные говорят в литературе и других сферах культуры, до сих пор не получил заслуженного внимания в академическом сообществе. По ее мнению, такая нехватка интереса обусловлена и тем, что говорящее животное ассоциируют с детской литературой, имеющей невысокий академический престиж. Неслучайно и ДэМелло, и другие исследователи сборника часто упоминают вышедшую в 2007 г. монографию Т. Косслетт «Talking Animals in British Children's Fiction» — редкий научный труд, рассматривающий эту тему. Тем не менее, вызывает удивление, что в сборнике отсутствует статья, которая была бы специально посвящена детской литературе.

В сборнике, включающем в себя шесть разделов, шестнадцать статей и один рассказ. Спектр рассматриваемых тем широкий: собственно теоретический вопрос о возможности изображения жи-

вотных и его пределов, присутствие образов говорящих животных в разных культурах, отношение между личностью животного и человека, желание и возможность войти в субъективность животного, этические аспекты наделения животного голосом. Эти темы тесно связаны друг с другом, и часто одна статья охватывает несколько из них одновременно. Характеризируют весь сборник уважение и привязанность к животным, вместе с сознанием того, что в некоторых случаях за этой привязанностью и желанием дать животным возможность выразить себя скрываются заботы и тревоги, связанные с миром людей, а не животных.

Две статьи, одна из которых написана Марион Коупланд, а другая Натали Коринн Хансен являются особо интересными примерами такой двойственности сборника, потому что и в той, и в другой обсуждается роман британской писательницы Анны Сеуел «Black Beauty» (1877 г.) с противоположных точек зрения. В этом «автобиографическом романе», как его определяют исследователи сборника, конь, чьим именем названо произведение, рассказывает о своей жизни. Несмотря на то, что сегодня этот текст относят к классике детской литературы, во время его первой публикации роман обращался не к детской аудитории, а к тем, кто был в ежедневном контакте с лошадьми, то есть к народу и высшим классам. Коупланд подчеркивает, что «Black Beauty» — книга о необходимости внимания и сострадания, дающий читателю возможность увидеть жестокое поведение человека с точки зрения коня, которого бьют, пытаются, унижают. По мнению исследовательницы «Black Beauty» является важным этапом к преодолению антропоцентризма и большему вниманию к «лошадиной точке зрения» после четвертой книги «Приключений Гулливера» Дж. Свифта и перед романом М. Марпурго «Боевой Конь» (1982), экранизированным в 2011 г.

Хансен предлагает другое толкование романа и его гуманистических ценностей. Она объясняет, что в те годы, когда Сьюел написала «Black Beauty», лошадей активно использовали и в городе, и в деревне, и текст о них выражал проблемы, связанные с определенным сословием и полом. Скрупулезным анализом текста Хансен показывает, что этот роман являлся способом приучения рабочего класса, воспитывал послушание доброму хозяину таким же образом, как роман «Хижина дяди Тома» (1852) американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу поддерживал рабство, одновременно осуждая насилие над рабами. Как отмечает Хансен, в романе есть очевидные аналогии между рабами-животными

и рабами-людьми, между условиями жизни животных и женщин, воспитанных в уважении к хозяину в качестве жен и дочерей. Роман идеализирует то дружеское, но жесткое обращение к тем, кто нуждается в руководстве, в том числе к лошадям, и не ставит под сомнение существующую иерархию власти. Хансен считает, что слова коня о его горе от насилия и жестокости, которые он претерпевает от человека, позволяют читателю испытывать очищающее сопереживание. По мнению Хансен, слова страдания, сказанные от имени коня, не поддерживают субъективность животного, но дают читателю возможность «держаться в стороне, в позиции того, кто может искупить это страдание» (с. 222). В конце концов, эмпатия между читателем и жертвой насилия — здесь Хансен цитирует труд Винсена Деспре «The Body We Care For: Figures of Anthropo-Zoo-Genesis» (2004) — это отношение между активным субъектом и пассивным предметом.

Тема страдания занимает большое место в статье Моники Флегел об «автобиографиях животных», написанных британскими писательницами в XIX веке. Речь идет особенно о книгах «Признания потерянной собаки» (1867) Фрэнсис Пауэр Кобб, и «Нептун» (1869) Е. Барроус. Принимая за основу, что в этих книгах, как и в «Black Beauty», животные соглашались на человеческое господство, Флегел рассматривает, как именно элемент господства освещает сложность отношения между женщинами и домашними животными в викторианской Англии. В отличие от других ученых, например Косслетт, Флегел считает, что это отношение не объясняется единственно сходством положения женщин и угнетенных существ. Воображая голос своих домашних животных, писательницы исследовали женственное господство, и в этих произведениях «женщина часто является единственным, прославленным, даже обожаемым предметом преданности животного» (с. 92). Флегел очень продуктивно применяет идеи, которые Шарон Маркус выразила в книге «Between Women: Friendship, Desire, and Marriage in Victorian England» (2007), предположив, что, хотя животные были для женщин источником идентификации, они оставались и Другими, то есть теми, кто находится в зависимости от контроля и желаний своей хозяйки. Флегел дает сложную, но яркую картину того, как отношения между животным и женщиной включают и эротические элементы, которые переплетаются с физическим и эмоциональным страданием, вызванным осуществлением женской власти над подчиненным ей Другим.

Статья Наамы Харел «Исследование собаки от собаки» убедительно демонстрирует, что изображение говорящих животных может действительно подрывать наше антропоцентрическое мировоззрение. Ее предмет анализа — рассказ Кафки 1922 г. «Исследования одной собаки» («Forschungen eines Hundes»), в котором анонимная собака говорит о своей жизни, проводя исследование таких тайн, как откуда берется еда? Собака-рассказчик не только не рассматривает вопроса о высшем статусе человечества, но даже и не упоминает самого человека, считая превосходство собачьего рода само собой разумеющимся. Как отмечает Харел, такое перевертывание отношения власти между людьми и собаками производит *эффект остранения*, в том смысле, какой дал этому понятию Виктор Шкловский. Тем не менее, как подчеркивает автор статьи, перевертывание происходит только в уме рассказчика, который не осознает роль человека в жизни собак. Отсюда и трудности, встречаемые собакой в ее исследованиях (например, она решает, что еда падает с неба). Харел полагает, что, благодаря ненадежному рассказчику, «Исследования одной собаки» можно прочесть как сатиру или даже пародию на антропоцентризм, в основе которой все те же самые непонимания и недопонимания.

Вопросу о том, что говорящее животное может подрывать основы антропоцентрического видения жизни, посвящена и статья Лауры Хобгуд-Остер. Она переводит этот вопрос в теологическое размышление, обращаясь к Библии, апокрифическим Евангелиям и историям святых, и обсуждает отдельные тексты — их три — в которых животные говорят. Следует отметить, что Хобгуд-Остер ставит перед собой очень сложную задачу: доказать, что, несмотря на сакральность слова как с евангелической, так и с теологической точки зрения, христианство не является антропоцентрической религией. Выбранные ей тексты несомненно интересны в этой связи. В них говорящие животные демонстрируют более высокую степень понимания сообщений Бога, чем человек. Так, например, лев, который хочет, чтобы Святой Павел крестил его, примет участие в божественном плане спасения. Тем не менее, приходится возразить, что эти рассказы занимают маргинальное место в христианстве. Исследовательница утверждает, что «когда звучат голоса животных, [религиозные] традиции обогащаются» (с. 70). С другой стороны, можно предположить, что в христианской традиции индивидуальность и достоинство животных сохраняются в тех случаях, когда они молчат, но как они, так и человек принимают участие во все-

общей гармонии. В католической традиции таким образом можно прочитать те эпизоды жизни Франциска Ассизского, в которых он проповедовал животным [Sorell 2009, с. 60].

Статья Кати Руди демонстрирует интерес к теме духовности как пути к взаимному пониманию между животным и человеком. Примечательно, что ее статья называется «Если бы мы могли обращаться к животным», а не наоборот. Взяв в качестве эпиграфов фразу Люс Иригарей и цитату из Книги Иова, возвеличивающие разнообразие языков и знание животных, исследовательница указывает на пост-гуманизм как на подходящий философский подход для того, чтобы отказаться от позиции знающего субъекта и обращаться к животным в поиске новой универсальной гармонии. Как отмечает Руди, подходящее место для пост-гуманизма может быть не в западной философии, а в спиритуализме.

Теме молчания животного посвящена большая часть статьи Джила Морстада «Первый друг, первое слово». Автор рассматривает роман «Dogs of Babel» (2003) Каролин Пархурст, где рассказывается о том, как некий ученый-лингвист теряет жену при таинственных обстоятельствах и хочет, чтобы его пес, который присутствовал в момент ее смерти, подвергся операции, которая позволит ему заговорить и рассказать, что он видел. В центре анализа Морстада — размышления о том, что человек полагается на идею коллективно разделяемого опыта и желает передать другим существам те права, которые получил с Просвещением, но при этом его самосознание недостаточно, а эмоциональная чувствительность понижена. Так, собаки, всегда сопровождающие человека, стали воплощением его желаний и вынуждены были приспосабливать свою необходимость общаться к человеческой риторической системе.

Две статьи, рассматривающие тему социальных сетей, в которых люди выступают под масками животных, обогащают дискуссию о том, как желание глубже понять животных переплетается с необходимостью выражать собственные эмоции. Дженнифер Л. Шалли и Стефен Р. Коуч проводят подробный социологический анализ социальной сети «Catster», способов, которыми его члены создают себе многочисленные виртуальные личности. Статья ДэМелло «Идентичность, сообщество и траур», вводящая тему переживания траура через личность животного в социальной сети «Bunsprase», является одной из самых интересных в сборнике, но, быть может, и самой спорной. В «Bunsprase» собирается небольшое сообщество любителей кроликов (в статье говорится, что их всего 16 000).

Жизнь этих животных очень коротка, в результате тема смерти очень часто встречается в виртуальных разговорах среди членов сети. «Bunspace» становится местом, где те, кто переживает смерть кролика, получают эмоциональную помощь, но так как ее члены, как правило, используют виртуальный образ одного из своих животных, социальная сеть дает ученому ряд ситуаций, связанных со смертью и трауром, где идентичность человека и животного сливаются друг с другом. Однако, надо отметить что ДэМелло анализирует такой богатый материал, иногда пренебрегая научной точностью. Исследовательница в 2003 г. посвятила монографию поведению кроликов (она сама является членом «Bunspace»). Безо всяких объяснений или замечаний, упоминая владельцев кроликов, она употребляет такие термины, как «мама Флаффи» или «мама Зула», основывает большую часть анализа проблемы траура на собственном опыте, описывая свое внутреннее потрясение от смерти одного из своих кроликов, а также то, как она представляла страдание кролика, под именем которого она выступает в сети, как обращались к ней и к кролику другие члены сети.

Нам кажется, что личное участие редактора и других исследователей в защите животных, их искреннее желание вызвать интерес к неизвестным аспектам жизни животных обусловило и другие проблематичные аспекты этого, в целом, интересного сборника. В частности, последний текст сборника, эпистолярный рассказ Г. А. Брадшоу «Билли и Кани», оставляет читателя в некотором недоумении. В рассказе переписываются два слона, один, живущий в Кении, другой в американском зоопарке после того, как его поймали в Африке. В введении к сборнику мы читаем, что этот текст «заставляет нас расширить свое понимание языка и поставить под сомнение свои представления о том, кто имеет право рассказывать истории и какие формы являются адекватными для этих историй». Но повествовательные стратегии «Билли и Кани», в том числе языковые аспекты, не являются особо оригинальными. Будучи юнцами, оба слона выражают свои мысли на американском сленге (см., например, с. 248: «Boy that rain felt good!», или с. 250: «Okay gotta go» и т.п.). Сам способ общения друг с другом с помощью переписки (в начале рассказа Кани, уже пожилой, показывает письма новым поколениям) рискует произвести едва ли не гротескный эффект антропоморфизации.

Сборник «Speaking for animals: Animal Autobiographical Writing», несомненно, интересен, и ученые других дисциплин, в том числе

детской литературы, найдут в нем оригинальные и стимулирующие размышления.

Исследования

Nodelman P. The Other: Orientalism, Colonialism, and Children's Literature // Children's Literature Association Quarterly 17-1 (1992), P. 29–35.

Sorell R. D. St Francis of Assisi and Nature: Tradition and Innovation in Western Christian Attitudes towards the Environment. Oxford, New York, Toronto: Oxford University Press, 1988.